

Канд. филол. наук К. Н. Григорьян

ПУШКИН И АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Новая армянская поэзия развивалась под непосредственным благотворным влиянием передовой русской литературы. Один из выдающихся армянских поэтов конца XIX — начала XX века Александр Цатурян говорил об огромном влиянии русских поэтов на развитие новой армянской литературы. По его мнению, трудно назвать армянского писателя, который так или иначе не подпал бы под это влияние. Каждый из армянских писателей и общественных деятелей по-своему любил русскую литературу и в своем творчестве в той или другой форме отразил ее высокие идеалы. «На одних отразилось сильнее, ярче, — писал Цатурян, — других оно коснулось не так сильно, не так заметно, но никто из них, думаю, не миновал этого влияния». Так думал не только Цатурян, но и величайший поэт армянского народа Ованес Туманян. Он считал, что Армения многим обязана русской литературе.

Наиболее сильное влияние на развитие армянской поэзии оказали Пушкин, Лермонтов и вслед за ними гражданская муза Некрасова. В сложном процессе освоения богатого наследия русской поэзии рядом с Пушкиным всегда и неизменно выступал Лермонтов. Многие из армянских поэтов воспринимали эти два имени в едином звучании.

Интерес к творчеству Пушкина в армянской общественной жизни возник еще при жизни поэта. Первым переводчиком Пушкина на армянский язык был известный ученый филолог Н. О. Эмин. Будучи еще воспитанником Лазаревского института восточных языков в Москве, он проявил незаурядные литературные способности. В краткой записке к третьему тому «Собрания актов, относящихся к обозрению истории армянского народа» сохранились следующие сведения: «Никита Эмин перевел с русского на армянский язык в стихах: Бахчисарайский фонтан и Кавказский пленник сочинения А. С. Пушкина. Переводы эти вскоре будут изданы и тогда Певец Фонтана и Пленника будет известен в разных странах Азии, населенных армянами».¹ Несмотря на обещание, эти первые переводы, выполненные еще при жизни Пушкина, к сожалению, не были опубликованы.

После окончания Лазаревского института Н. О. Эмин в течение многих лет был преподавателем этого Института.

Ученики Н. О. Эмина по Лазаревскому институту, впоследствии выдающиеся армянские поэты: Рафаэл Патканян, Смбат Шах-Азиз, Георг Додохян, первым знакомством с лучшими произведениями русской поэзии были обязаны прежде всего своему учителю. Н. О. Эмин очень

¹ Часть 3-я. Москва, 1838, стр. 220.

часто во время лекций любил читать Пушкина и Лермонтова и прививал вкус и любовь к русской поэзии.¹

Судя по всему, в 30—40-х годах среди определенного круга преподавателей и слушателей Лазаревского института интерес к русской поэзии и в частности к Пушкину и Лермонтову был значительный. Не случайным является тот факт, что автор первого печатного сборника переводов из русской поэзии Ованес Амазаспян был также воспитанником Лазаревского института. Он в 1843 г. в Москве издал сборник «Переводов в прозе и в стихах с русского на армянский язык из Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Баратынского и Гнедича».² В этом сборнике были помещены параллельно с русскими текстами переводы десяти стихотворений Пушкина: «Русалка», «Земля и море», «Не дай мне, бог, сойти с ума», «И путник усталый на бога роптал», «С тобою древле, о всесильный», «Пророк», «Похоронная песня» («С богом, в дальнюю дорогу...»), «Соловей», «Туча», «Кавказ».

Амазаспян перевел стихотворения Пушкина на древнеармянский язык, так называемый «грабар», который был тогда официальным языком литературы. В сборнике Амазаспяна некоторые переводы не лишены поэтических достоинств, но в силу того, что они были на «грабаре», который резко отличается от живой народной речи, они были доступны лишь ограниченному кругу читателей.

Во второй половине 50-х годов в армянской общественной жизни возрастает интерес к русской литературе. В эти годы одним из пропагандистов русской культуры был выдающийся представитель революционно-демократической мысли в армянской литературе и публицистике, последователь Герцена и Чернышевского — Микаэл Налбандян. В его ранних стихотворных опытах легко обнаружить явные следы влияния поэзии Пушкина и Лермонтова. В начале 50-х годов он перевел «Черкесскую песню» из поэмы Пушкина «Кавказский пленник»; стихотворения Лермонтова: «Пророк», «Ветка Палестины» и «Спор».³ Особый интерес представляет стихотворение Налбандяна «Поэт»,⁴ написанное на мотивы двух пушкинских стихотворений: «Поэт» и «Поэту». Подражая русским оригиналам, он развивает тему независимости, неподкупности поэта. Он подчеркивает мысль о высоком назначении поэта, мысль о том, что труден и тернист его путь. Но чтобы ни ожидало поэта, какие бы тяжелые испытания ни выпали на его долю, он должен служить «священной правде». В заключительных строках уже можно видеть будущего революционера и автора знаменитого стихотворения «Свобода»:

Свобода! — и пускай враги
Ждут, гибелью грозя!
Пускай огонь, пускай ни зги,
Пускай ревет гроза!
До виселичного столба
Я руку к ней тяну,
Свободу милую любя,
Одну ее, одну.⁵

¹ Р. Паткянян. Воспоминания о проф. Н. Эмина. Соч. Н. О. Эмина (на арм. яз.). В приложениях материалов для биографии Н. О. Эмина. М., 1898, стр. 210.

² Москва. В типографии Лазаревского института восточных языков, 1843, стр. 54—85. Здесь же были помещены два перевода из Лермонтова: «Ангел» и «Сосна».

³ Все эти переводы были опубликованы после смерти Налбандяна. Более точные, проверенные и полные тексты переводов см. Микаэл Налбандян. Полн. собр. соч. (на арм. яз.), т. I, комментарий Ншана Мурадяна, Изд. Акад. наук Армянской ССР, Ереван, 1945, стр. 24, 35, 37—38, 45—46.

⁴ Там же, стр. 40.

⁵ Антология армянской поэзии. Гослитиздат, М., 1940, стр. 364—365.

Эти строки перекликаются с пушкинскими стихами из поэмы «Кавказский пленник»:

Свобода! Он одной тебя
Еще искал в пустынном мире.

Совпадение отнюдь не случайное. Судя по ранним стихотворным опытам, южные поэмы и гражданская лирика Пушкина оказали несомненное влияние на формирование литературных воззрений Налбандяна.

В пропаганде Пушкина и Лермонтова известную роль сыграл и издававшийся в Москве армянский журнал «Юсисапайл» («Северное Сияние»). На его страницах появился первый перевод «Демона» Лермонтова. Здесь же были помещены вольные переводы двух лирических стихотворений Пушкина: «Я пережил свои желанья. . .» и «Я вас любил». ¹ Автору переводов — Г. Бархударяну не удалось преодолеть те исключительные трудности, с которыми встретится каждый, кто поставит перед собою задачу воссоздания на другом языке неповторимых образов пушкинской лирики.

В конце 50-х годов появляется первый армянский перевод Пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». В 1858 г. на страницах издававшейся в Тифлисе еженедельной газеты «Мегу Айастани» («Пчела Армении») был напечатан вольный перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» без указания имени Пушкина и с изменением заглавия: «Рыбка и рыбак». ²

Переводчик Ованес Багдасарянц с незначительными пропусками пересказал в прозе содержание сказки, придерживаясь текста русского оригинала.

Если при первом армянском переводе «Сказки о рыбаке и рыбке» не было указано имени Пушкина, то при втором переводе, появившемся на страницах той же газеты через пять лет, в 1863 г., не было даже указано, что она является переводом. ³ Второй перевод был стихотворным, но плохими стихами и на тифлисском диалекте. И в этом, как и в первом, случае имел место простой пересказ с существенными отклонениями от оригинала.

Автор анонимного перевода, начиная с заглавия, отважился на собственную интерпретацию темы пушкинской сказки и внес немало отсбятин. Сказку он озаглавил «Жена рыбака». И это не случайно. Переводчик решил, что во всем виновата злая и жадная старуха, и он дополнил текст сказки характеристикой жены рыбака. Она, «хотя и стара, но беспокойна и хлопотлива», терзает мужа постоянными жалобами и укорами. Старик не имеет покоя от сварливой жены. «Жить с дурной и глупой женой ведь хуже, чем быть в аду». Последний раз, когда рыбак идет к золотой рыбке, он жалуется на свою злую старуху:

Ох, золотая рыбка, не говори,
В какую я попал страшную беду.
Придет ли тот счастливый день,
Когда избавлюсь от злой жены?..

Все эти мотивы отсутствуют в тексте пушкинской сказки, и они являются «украшениями» собственной мысли переводчика. Однако он не только прибавил, но и опустил в своем переводе некоторые детали оригинала.

¹ «Юсисапайл» (на арм. яз.), М., 1860, № 6, стр. 432—433.

² «Мегу Айастани» (на арм. яз.), Тифлис, 1858, 19 апр., № 16, стр. 127—128.

³ Там же, 1863, 11 мая, № 13, (стр. 135—136). Имени переводчика не указано.

У Пушкина, когда старуха побранила рыбака и в первый раз он пошел к золотой рыбке, тогда «море слегка разыгралось»; второй раз: «помутилось синее море»; третий раз было «не спокойно синее море»; четвертый раз: «почернело синее море» и, наконец, пятый, последний раз, когда старик пошел на берег и начал звать золотую рыбку, то на море «вздулись сердитые волны» и бушевала «черная буря». Характерно и глубокозначительно это символическое нарастание гнева «синего моря». Эти замечательные пейзажные детали, имеющие свое строго определенное место в идейной и художественной концепции сказки, исчезли и в первом, и во втором армянском переводах. Лишь спустя более двадцати лет, в 1884 г. появился новый, по счету третий, перевод¹ «Сказки о рыбаке и рыбке», который принадлежал известному армянскому писателю и публицисту Газаросу Агаяну. Стихотворный перевод Агаяна, близкий по духу, по простоте и ясности языка к пушкинскому оригиналу, вскоре стал один из любимейших произведений армянских детей».²

Начиная с Смбата Шах-Азиза, особенно ярко ощущается благотворное влияние Пушкина на развитие армянской поэзии. Шах-Азиз сам говорил: «Из русских поэтов наиболее сильное впечатление произвели на меня, конечно, Пушкин и Лермонтов!.. Пушкиным я всегда увлекался, прежде всего, — как разносторонним и правдивым поэтом-художником, творчество которого представляет собою для отзывчивого читателя как бы прекрасный цветущий сад, блестящий райской красотой. Посмотрите, как он описывает разнообразную природу, как он умеет воспевать любовь, сколько изящества и богатства красок в его лучших произведениях!..» Эти восторженные строки говорят о преклонении Шах-Азиза перед русским поэтическим гением, и влияние пушкинской музыки на творчество армянского поэта можно проследить с самого начала его литературной деятельности. В 1860 г. в Москве вышел первый сборник стихотворений Шах-Азиза: «Часы досуга». Здесь были помещены стихи, написанные под непосредственным впечатлением чтения Пушкина, а некоторые из них представляли перепевы отдельных мотивов пушкинской лирики. Шах-Азиз говорит: «В моих «Часах досуга» я уже пробовал, как умел, подражать Пушкину, — перевел его стихотворение «Кубок янтарный», сделал в некоторых случаях отдельные его стихи эпиграфами к моим собственным вещам, написанным под его влиянием». Шах-Азиз в этом случае допустил некоторую неточность. Трудно назвать его «Песню» переводом пушкинского стихотворения «Кубок янтарный». На самом деле Шах-Азиз написал в подражание Пушкину национальную застольную песню, в которой воспеваются «армянский народ», «девы и сыны Армении».

То, что видим у Шах-Азиза, — характерное явление для некоторых кавказских переводчиков Пушкина. У грузинского поэта С. Размадзе в переводе отрывка из VII гл. «Евгения Онегина».

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве —

Москва заменяется Тифлисом. Еще более показательны стихотворение Вахтанга Орбелиани, являющееся подражанием «Зимнему вечеру»,

¹ Е. А г а я н. Золотая рыбка, Вольный перевод (на арм. яз.), Тифлис, 1884, 18 стр.

² В том же году в Тифлисе был издан четвертый перевод «Сказки о рыбаке и рыбке», принадлежащий известному армянскому поэту Рафаэлу Патканяну, но во многом уступающий переводу Агаяна. К числу удачных относятся переводы Атабека Хнкояна «Сказки о попе и о работнике его Балде» (1908) и «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» (1911).

где, наряду с сохранением отдельных строк оригинала, как например

Наша избушка, увы, ветха и темна
грузинский поэт вносит новые мотивы, придавая стихотворению местный колорит:

Давай, разведем огонь в камине,
Изжарим шашлык на вертеле...

Послушай меня, опрокинем кулу,
Исчезнут разом тогда заботы и тоска,
Пусть там завывает буря себе,
Мы весело проведем время у огня.

У Орбелиани вместо песни о синице и девице появляется национально-патриотическая тема о «славных временах грузинских мечей».¹

И в первом, и во втором случае имеет место стремление пушкинским стихам придать национальное звучание, приспособить к местным условиям. В «Поэте» Шах-Азиза, наряду с прямым заимствованием из пушкинского оригинала, вносится много из своих собственных дум и размышлений. Начало стихотворения напоминает первые строки пушкинского «Поэта».

Поэт, оставайся вдали от рукоплесканий толпы,
Когда горишь огнем вдохновенья
(Когда ты охвачен вдохновеньем).

Ты служитель высшей святости и т. д.

Затем уже следуют собственные мысли о гражданском долге поэта, о том, что он должен любить свой народ, должен бескорыстно и смело служить правде, он должен разрушить «святыню» богачей и покарать зло и т. д. «Поэт» не является исключением. Другое стихотворение Шах-Азиза «Памяти Степаноса Назарянца» начинается незначительной перефразировкой первой строки пушкинского «Памятника»:

Ты памятник воздвиг себе нерукотворный...

Влияние Пушкина (в частности «Евгения Онегина» и «Графа Нулина») сказалось и на известной поэме Шах-Азиза «Скорбь Леона».

В 1872 г. на страницах журнала «Айкакан Ашхар» было напечатано без подписи стихотворение «Памятник. Подражание Пушкину». Автор «подражания», по всей вероятности, редактор-издатель журнала архимандрит Хорен Степане, сохранив целиком отдельные фразы оригинала, приспособил пушкинский текст своему замыслу. Вторая строфа армянского текста «Памятника» звучит так:

Услышит о моей славе мать моя, святая Армения,
И назовет меня всяк сущий в ней язык.
Долго не перестанет любить меня нация армянская
За то, что я умел пробуждать добрые чувства,
Что мыслями благородными я принес пользу
И взывал всегда к спасению падших...²

Трудно назвать стихотворение Степане «подражанием Пушкину»; оно является примером грубого и примитивного использования текста пушкинского образца.

Еще с 30-х годов в Лазаревском институте, благодаря, главным образом, широкой пропаганде Н. О. Эмина, была создана известная

¹ См. подробно: К. Дондуа, Пушкин в грузинской литературе, Сб. «Пушкин в мировой литературе», ГИЗ, Л., 1926, стр. 206—207, 211—212.

² Айкакан Ашхар, «Армянский Мир». Журнал педагогический и религиозный. Шуша—Елзаветполь, 1872, № 1—2, стр. 25—26.

традиция в отношении русской поэзии и, в частности, — Пушкина и Лермонтова. Эта традиция давала себя чувствовать и в 80-е годы. После Патканяна и Шах-Азиза в стенах этого учебного заведения в начале 80-х годов оказался Ованес Ованисян, впоследствии выдающийся поэт, которому армянская поэзия обязана новым расцветом лирики.

Ованисян, по собственному признанию, «очень полюбил Пушкина и Лермонтова». Еще в ученические годы в подражание «Евгению Онегину» он написал целую поэму.¹ Ему принадлежат и несколько переводов из лирики Пушкина, большая часть которых относится к началу 80-х годов, но были напечатаны в 1899 г. к столетию со дня рождения русского поэта.

Заслуга Ованисяна заключается в том, что в сущности он первый после Амазаспяна подошел к задаче перевода образцов пушкинской лирики с должным чувством ответственности, но, к сожалению, не преодолел неизбежных трудностей. Средствами армянской поэтической речи он стремился по возможности точно воспроизводить русские оригиналы, но язык его переводов неровный, часто страдает прозаизмами. Переводы другого выдающегося поэта конца XIX начала XX века — Александра Цатуряна составили новый этап в пропаганде пушкинской поэзии в Армении. Он больше, чем кто-либо из армянских поэтов прошлого, уделил внимание русской поэзии. В 1905 г. Цатурян предпринял издание антологии переводов из русской поэзии в двух выпусках, первый из которых целиком был посвящен Пушкину и Лермонтову. В предисловии к первому выпуску «Русских поэтов» Цатурян справедливо отмечал, что армянский читатель с русской поэзией «знаком по единичным, случайным переводам» и что он поставил перед собою задачу по мере сил своими переводами дать возможность составить более или менее правильное и цельное представление о русской поэзии, в частности о лирике.

Пушкин представлен в сборнике Цатуряна следующими стихотворениями: «Ангел», «Я думал, сердце позабыло...», «Осеннее утро», «Анчар», «О дева-роза, я в оковах...», «Желание», «Кавказ», «Буря», «Возрождение», «Птичка», «Узник», «Цветок», «Пророк», «Соловей», «Желание славы», «Если жизнь тебя обманет...», «Романс», «Цветы последние милей...», «Талисман», «Телега жизни», «Русалка», «Пред испанкой благородной...», «Для берегов отчизны дальней», «Поэт», «Сапожник», «Туча», «Деревня», «К Чаадаеву» (Любви, надежды, тихой славы...), отрывок из «Бахчисарайского фонтана».² В этом перечислении нетрудно видеть стремление Цатуряна дать как можно более широкое представление о пушкинской лирике. В этом роде это была первая попытка, и армянский поэт во многом достиг своей цели. Здесь впервые были даны образцы гражданской лирики, и благодаря Цатуряну впервые на армянском языке прозвучали такие стихотворения, как «Деревня» и «К Чаадаеву». В сборнике Цатуряна не все переводы равноценны, но наиболее удавшимися следует считать: «Я думал, сердце позабыло...», «Желание», «Кавказ», «Талисман».

Некоторые стихотворения не нашли места в антологии Цатуряна, очевидно, не потому, что он их считал менее характерными для лирики

¹ Поэма относится к ранним незрелым произведениям. Она не была напечатана Ованисяном. Отрывок из поэмы опубликован сравнительно недавно по автографу, обнаруженному в бумагах поэта. А. С. Пушкину (на арм. яз.) к столетию его трагической гибели. От Института истории и литературы Арм. ССР (сборник статей и материалов), Ереван, 1937, стр. 277—291.

² Александр Цатурян. Русские поэты (на арм. яз.) Пушкин и Лермонтов, вып. первый, Москва, 1905, стр. 9—66.

Пушкина, а лишь потому, что они представляли для перевода исключительно трудность. К ним относятся прежде всего такие стихотворения, как: «Погасло дневное светило...», «Ночной зефир», «Зимний вечер», «Я помню чудное мгновенье», «Зимняя дорога», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Я вас любил...», «Бесы», «Пора, мой друг, пора...». Как бы то ни было, Цатуряном была выполнена задача огромной трудности, и он сделал очень много для популяризации в Армении лучших образцов русской поэзии. Цатурян, в творчестве которого с новой силой прозвучали гражданские мотивы, в значительной степени был воспитан русской литературой. «Что же касается влияния русской литературы, — и особенно русской поэзии на меня, — писал Цатурян в 1902 г., — то оно огромное. Цатурян преклонялся перед поэтическим гением Пушкина, но больше он любил Лермонтова, который казался ему более близким и по кругу тем и по настроениям. «Из русских поэтов, — писал он, — особенно горячо полюбил я Лермонтова... Моя скромная лира всегда с благоговением и священным трепетом смотрела на этот величественно-грустный поэтический облик. Этот беспокойный, вечно томящийся дух, этот «одинокий парус» на море житейском, вечно ищущий бури, «как будто в бурях есть покой», меня очаровывал, меня приводил в глубокое волнение...».

Если проследить историю переводов Пушкина на армянский язык, начиная с первых попыток до Цатуряна, то нужно прежде всего отметить, как возросло чувство ответственности и как выработывалось более строгое отношение к точному воспроизведению русских образцов. В этом отношении некоторое исключение составляет сборник Амазаспяна. Что же касается остальных армянских переводчиков до Ованисяна и Цатуряна, то в большинстве случаев, как правило, переводчики довольно свободно обращались с пушкинским текстом, в желании придать переводу национальный колорит они не стеснялись изменять, дополнять оригинал. Иначе относились к своей задаче Ованисян и Цатурян. Строго придерживаясь оригинала, они стремились сохранить в переводах не только особенности формы, но и добивались максимально точной передачи содержания. Задача эта нелегкая и с большей эффективностью, со значительно более лучшими результатами она была разрешена Ованесом Туманяном

Немногочисленные переводы Ованеса Туманяна составили новый этап в популяризации имени Пушкина в Армении.

Свое отношение к проблеме поэтического перевода Туманян выразил в следующих строках: «Перевод подобен розе под стеклом: почти невозможно, чтобы переводчик дал благоухание, непосредственное обаяние подлинника. Однако всегда требуется, чтобы он оставался верен мысли подлинника и был понятен читателю. Это требование особенно увеличивается, когда переводится такое произведение, каждое слово и предложение которого имеет свое твердое место и значение».¹

Сознавая всю сложность самой творческой задачи, Туманян в своих переводах придерживался этих принципов. Он стремился, в возможных пределах, не изменяя мысли подлинника, воссоздать его на армянском языке, добиваясь такого совершенства, при котором перевод обладал благозвучием армянского стиха. В этом отношении немногочисленные переводы Туманяна из русской поэзии по своему общему характеру напоминают стихотворения Лермонтова: «Горные вершины

¹ Туманян-критик (на арм. яз.). ГИЗ Арм. ССР. Ереван, 1939, стр. 81.

спят во тьме ночной...» (из Гёте), или «На севере диком растет одинокое...» (из Гейне). В подобных случаях мы имеем дело не с обычными опытами поэтического перевода. Автор выбирает произведение, выражающее близкое, родственное настроение, и воссоздает это произведение на родном языке, пытаясь проникнуться духом подлинника и верно передать его. С этой точки зрения, армянское звучание «Зимнего вечера» Пушкина у Туманяна является шедевром поэтического перевода.

Туманяну удивительным образом удалось найти в богатствах родной поэтической речи такие слова, которые не только верно передают образную систему подлинника, но и легкость, изящество, мудрую простоту и музыкальность русского образца.

Многие стихотворения и поэмы Пушкина и Лермонтова еще в годы юности Туманяна стали его любимыми произведениями. Школьником он уже знал поэмы Пушкина: «Полтава», «Цыганы», стихотворения: «Песнь о вещем Олеге», «Утопленник», «Зимний вечер»; «Песню про купца Калашникова...» Лермонтова, его стихотворения: «Ангел», «Ветка Палестины», «Спор», «Пророк», «Тучки небесные...», «Выхожу один я на дорогу...», «И скучно, и грустно...». Таким образом, еще в ранние годы творческой деятельности Туманяна Пушкин и Лермонтов заняли прочное место в его сознании и оказали несомненно благотворное влияние на развитие поэтического чувства. Однако было бы излишним и бесполезным искать у армянского писателя отрывки, отдельные образы, напоминающие творения русских поэтов, как факты, свидетельствующие о заимствовании или подражании. Туманян, как бы имея в виду будущих исследователей, писал одному из русских литераторов: «До получения вашего письма я не задумывался над вопросом о том, в какой степени я находился под влиянием русской словесности, получив его, я серьезно подумал об этом, стал искать у себя следов русского влияния, но не в внешней форме моих стихотворений, так как я никогда сознательно не следовал и не подражал никакому поэту, — а в моем духовном мире, литературных вкусах и взглядах».¹

Туманян не раз возвращался к чтению и изучению Пушкина и Лермонтова. Есть все основания предполагать, что в глубоком осмыслении наследия величайших русских поэтов ему помогали статьи В. Г. Белинского, несомненно оказавшего влияние на формирование литературных взглядов армянского поэта.

Теперь трудно установить, когда впервые Туманян ознакомился со статьями Белинского, видимо, не позднее конца 90-х годов. В 1898 г. вся Россия отмечала пятидесятилетнюю годовщину со дня смерти критика. Армянская передовая печать также откликнулась на эту дату. Она отмечала благотворное влияние идей Белинского на развитие армянской литературы. Весьма знаменательно, что статья в газете «Мшак» — «Труженик» имела эпиграфом строки из Некрасова:

Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени...

Статья оканчивалась словами Некрасова, которые могли повторить и многие армянские писатели и общественные деятели:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,

¹ О в. Туманяна. Полн. собр. соч. (на арм. яз.), т. V, Письма, Ереван, 1946, стр. 232—237.

Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Летом 1904 г. Туманян взялся за изучение Белинского. В письме к Ф. Вартазаряну он с восторгом отзывался о статьях русского критика и удивлялся, как много общего в жизни различных народов.¹ Ему же армянский поэт писал о задачах критики: «Критик — переводчик писателя, он должен «переводить» поэта, но переводить не слова его, а образы. Он должен проникнуть в душу поэта, добраться до самых корней и истоков его творчества, быть глубоко проницательным, судить справедливо. Тогда рассеются неясности, станут понятными и естественными многие противоречия, из хаоса родится гармония — конечно, в том случае, если она есть. Прежде всего нужно, чтобы поэт был поэтом истинным. Понять поэта не так легко, он и сам себя часто не понимает. . .»

Есть все основания утверждать, что эти мысли Туманяна о назначении критики возникли под непосредственным чтением Белинского, в частности его статей о Пушкине и Лермонтове.

Образ справедливого и проницательного критика, способного понять художника, прямо указывает на Белинского, как на источника размышлений Туманяна. В истории развития мировой эстетики в лице Белинского можно видеть столь редкое сочетание глубокого и передового мыслителя своего времени с тонкой впечатлительностью натуры истинного художника и поэта. В этом, прежде всего, особенность личности гениального русского критика, в этом источник силы его статей.

В 1904 году армянский литератор и публицист Ф. Вартазарян работал над статьей о творчестве Туманяна. Предварительно, в письмах к поэту он делился своими мыслями и просил высказать ему свое мнение по целому ряду вопросов. В этой связи, отвечая критику, Туманян писал: «Вообще ты своего поэта определил и понял совершенно правильно: он певец горя своего народа, поэт скорби и печали. В этой скорби и печали различные источники, но все они проистекают из одного и возвращаются к одному, — это наша армянская жизнь, армянская страна. Может быть, в этом и главное мое достоинство».

Если это так, это действительно великое дело. Белинский говорит: «величие поэта — в его народности. Поэт, прежде всего, должен быть сердцем своего народа. . .»²

Отношение Туманяна к Пушкину было весьма своеобразно. По собственному признанию, «Евгений Онегин» не произвел на него сильного впечатления, но он не мог говорить без волнения о «Полтаве», «Кавказском пленнике», «Цыганах» и особенно о лирике Пушкина. Больше всего любил он «Зимний вечер». «Люблю эту вещь, потому что она подлинно русская», — говорил он.

В 1912 г. в Петербурге группа русских литераторов пригласила Туманяна на ужин, где он познакомился с В. Г. Корленко. «Хороший человек был, настоящий русский человек», — рассказывал о нем Туманян впоследствии своим друзьям. После ужина направились вместе домой. По дороге разговор зашел о Пушкине. Корленко спросил Туманяна о том, какое из произведений Пушкина произвело на него сильное впечатление и какое из них более всего он любит. «Он думал, — рассказывает Туманян, — что я назову одну из крупных вещей Пушкина, и когда я сказал «Зимний вечер» он очень удивился». Туманян считал «Зимний вечер» жемчужиной русской поэзии.

¹ О в. Туманян. Письма, стр. 282.

² О в. Туманян. Избр. произв., Гослитиздат, М., 1946, стр. 361—362.

Если бы Короленко хорошо знал Туманяна, этого волшебного певца природы и народной жизни, для которого простота и ясность были основными законами искусства, то для него было бы понятно, почему из богатого и разнообразного наследия Пушкина армянскому поэту особенно по сердцу пришлось это небольшое лирическое стихотворение. Туманян любил Пушкина, как одного из величайших художников слова. По музыкальности стиха, по простоте и ясности языка, по силе и верности выражения сложного и богатейшего мира чувств и мыслей Пушкин — явление исключительное. Ясность и точность в выражениях, стройность и гармоничная цельность — отличительные черты его поэзии, где все просто и естественно, где все в меру и на месте. «Каждое слово в поэтическом произведении, — говорил Белинский, — должно до того исчерпывать все значение требуемого мыслию целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его. Пушкин, в этом отношении, величайший образец». Туманян и в этом был солидарен с Белинским. Говоря о достоинствах «Зимнего вечера», Туманян восхищался гармонической цельностью, простотой и ясностью пушкинского стихотворения. „В этом произведении, — писал Туманян, — нет ни одного лишнего слова, а для поэта каждое слово — целый мир и слову поэт должен придавать большое значение».¹

Туманян любил и гражданскую лирику Пушкина. В 1903 г. перед первомайской демонстрацией для революционной листовки, которую готовила местная партийная организация, необходимо было перевести знаменитые строки из оды «Вольность»:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу...

Трудно было с переводом. Дело не клеилось. Тогда решили, по предложению Степана Шаумяна, обратиться к Туманяну. Армянский поэт сразу же, экспромтом, перевел пушкинские строки. Листовка была распространена в день демонстрации в тысячах экземпляров.

«Скажу больше, — писал Туманян, — я нашел, что русские поэты, главным образом Пушкин и Лермонтов, всегда казались мне более родными и близкими, чем наши армянские поэты (речь идет о поэтах предыдущего поколения). Причиной этого было не только превосходство их талантов, но и следующий, весьма существенный факт: в силу каприза судьбы или стечения обстоятельств, наши армянские поэты жили и творили вдали от нашей родины, и в их песнях не отразились ни наша природа, ни народная жизнь». Иллюстрируя свою мысль, Туманян привел отрывки из произведений Шах-Азиза и Патканяна, в которых авторы воспевали чужие края. Вслед за тем, он цитировал известные строки Лермонтова из «Измаил-Бей»: «Как я любил, Кавказ мой величавый» и из посвящения к поэме «Демон»: «Тебе, Кавказ — суровый царь земли...»²

Правдивое изображение народной жизни и поэтическое воспевание родной природы для Туманяна явились теми основными критериями, которыми определялось его отношение к творчеству своих предшественников в армянской поэзии. По его словам, в песнях Рафаэла Патканяна и Смбата Шах-Азиза он не чувствовал ни «благоухания родных полей», ни биения пульса народной жизни. Он откровенно писал Шах-Азизу:

¹ О в. Туманян. Избр. произв., стр. 403.

² О в. Туманян. Письма, стр. 232—237.

«Действительно, какая странная игра судьбы: армянские поэты попадают на Север и воспевают незнакомую деву и чужие края, а русских поэтов судьба гонит на Кавказ, и эти изгнанники воспевают горы и жизнь народов Кавказа».¹

Кавказу многим обязана русская поэзия. «С легкой руки Пушкина, — писал Белинский, — Кавказ сделался для русских заветною странюю не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, странюю кипучей жизни и смелых мечтаний».² Кавказские поэмы Пушкина очаровали еще юного Туманяна. Русский поэт воспел в них природу горного края, свободу и любовь кавказских народов к вольной жизни. Туманяну, певцу гор, не могли не нравиться неповторимые пейзажи, написанные гениальной кистью Пушкина.

Вслед за Пушкиным воспел Кавказ Лермонтов. Страна гор очаровала его, и она стала для него волшебным краем простора и вольности. И Кавказ стал, — как говорил Белинский, — «колыбелью его поэзии так же, как он был колыбелью поэзии Пушкина, и после Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно-величавой природы, как Лермонтов».³

И в последние годы своей жизни Туманян снова вспомнил любимого поэта. В 1917 г. он посетил лермонтовские места на Северном Кавказе. «Побывал в домике Лермонтова, на месте дуэли, там, где он любил гулять, — писал армянский поэт из Пятигорска одному из своих друзей, — многое в его произведениях только здесь можно понять». Туманян рассказывает в письмах, как однажды, возвращаясь с вечерней прогулки, он, проходя по аллее, обратил внимание на множество мелких белых камешков, которые блестели в темноте. При этом армянский поэт вспомнил стихотворение Лермонтова:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

«Я только теперь понял, — писал Туманян, — почему Лермонтов говорит. «Сквозь туман кремнистый путь блестит...»⁴ Сообщая об этом, Туманян делился мыслями о том, какая тесная связь существует между песнями поэта и природой, окружающим его миром.

Туманян любил Лермонтова даже больше, чем Пушкина. Творчество Лермонтова в большей степени оказалось связанным с далекой горной страной, и после Пушкина кавказские мотивы еще с большей силой прозвучали в его поэзии. Может быть, в значительной степени этим объясняется особая любовь кавказских поэтов к лермонтовской музе. Небезинтересно, что в 1888 г., когда Туманяну было 19 лет, его библиотека состояла из трех любимых книг: Илиады и Одиссеи Гомера, сочинений Лермонтова и романа Абовьяна «Раны Армении».

В 1914 г. в условиях войны Туманян решил отметить в армянской печати 100-летие со дня рождения Лермонтова. 2 октября он написал статью под заглавием «Великий приемный сын Кавказа», в которой с горечью отмечал: «Война помешала отпраздновать светлое событие, которое должно было вызвать ликование, волнение в миллионах сердец всех народов и племен России».⁵ В этой же небольшой статье была дана общая характеристика творчества русского поэта, из которой легко пред-

¹ О в. Туманян. Письма, стр. 256.

² В. Г. Белинский. Избр. соч., Гослитиздат, М., 1941, т. III, стр. 298.

³ В. Г. Белинский. М. Ю. Лермонтов, Гослитиздат, Л., 1940, стр. 26.

⁴ Туманян-критик (на арм. яз.), Ереван, 1939, стр. 4.

⁵ О в. Туманян. Избр. прозв., стр. 401.

ставить, что же было особенно близко и дорого Туманяну в поэзии Пушкина и Лермонтова. Его прежде всего привлекала гордая, свободолюбивая натура русского поэта: «Он родился с пламенной, возвышенной душой, которая еще с детства искала новых путей в окружающем его сумраке России прошлого столетия, — с душой, отвергавшей жизнь, закованную в чиновничий мундир.

И свершилась великая драма.

Да самая ужасная из драм, драма великих душ. Лермонтов разделил судьбу своего великого предшественника Пушкина.

И оба они на беспредельных равнинах России остались одинокими душами, непонятыми и преследуемыми.

Почему же их преследовали в родной стране? Разве они не любили Россию?».

Далее Туманян говорит о той «странной любви», которой любил Лермонтов отчизну, любви, которая «щедро звучала в его творениях», но которая тогда не могла быть понята и оценена, потому что «жизненную арену занимали или ничтожества, или те, о которых он говорил, что их подлые сердца облачены в мундир». «Тогдашнее общество не понимало его и не ценило и изгнало из своей среды. Его преследовали тысячи глаз и рук.

От этого общества готов был бежать Пушкин.

От этого общества бежал в Персию Грибоедов.

Ко всему этому прибавилось огромное горе. Лермонтов боготворил Пушкина и увидел его оклеветанным и сраженным пулей.

И тогда родилось и загремело по России полное огня и ненависти стихотворение «На смерть поэта». Поэт кинул в лицо царской России такие слова обличения и гнева, каких еще она не слышала. И это решило все.

Он должен был удалиться.

И он удалился, протрившись с Россией хозяев и рабов с ее голубыми мундирами.

Может быть, он думал там, за горами Кавказа, укрыться от всевидящего ока и от всеслышащих ушей правителей!

Он искал пристанища для своей души и любви. Кавказ стал таким пристанищем для Пушкина и Лермонтова.

Разочарованные жизнью России того времени, изгнанные и преследуемые, они устремились к югу, и их израненным и оскорбленным сердцам бодро и ясно улыбнулись из-за облаков снежные вершины Кавказа. И они со всем пылом своих чувств прильнули к груди Кавказа, были усыновлены им и побратались с нами, кавказцами».¹

Много искреннего сочувствия в этих строках к печальной судьбе Пушкина, Лермонтова и всех тех благородных деятелей русской литературы, которые выступили смело против самодержавия, тирании, воспели свободу и пали в этой неравной борьбе.

«Великий приемный сын Кавказа» — в устах Туманяна эти слова звучали как самое высокое, почетное звание, которым окрестил он Пушкина и Лермонтова, в знак своей вечной благодарности и глубокой любви к величайшим поэтам русской земли.

Черты, характеризующие Туманяна как большого поэта, выразителя народных идеалов, во многом сближали его с передовой русской литературой, идейную связь с которой он всегда ощущал. В 1916 г., в приветственной речи в честь В. Я. Брюсова, Туманян говорил: «С лю-

¹ «Дружба народов», Альманах, кн. 3, М., 1939, стр. 307—309.

бовью и уважением я преклоняюсь перед великолепной литературой великого русского народа... на которой воспитались многие и многие из наших писателей и мыслителей».¹ Он высоко ценил творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Толстого, Чехова и Горького. Многие произведения передовой русской литературы по своей правдивости, идейной насыщенности и гуманизму были особенно близки и дороги Туманяну.

Все большее и большее расширение круга переводов из Пушкина — знаменательное явление, показывающее процесс активного освоения величайших достижений русской поэзии в Армении. Оно свидетельствует об укреплении идейной связи армянской поэзии с передовой литературой России. Однако не следует думать, что знакомство армянских поэтов с Пушкиными ограничивается только переводами его произведений. Если у некоторых виднейших представителей новой армянской поэзии нет переводов, это вовсе не означает, что они не вдохновлялись Пушкиным. Яркими примерами внутреннего обогащения достижениями русской поэзии, в частности творчеством Пушкина и Лермонтова, могут служить и Ованисян, и Туманян, и Исаакян, и Терьян. В песнях Терьяна много общего со светлой поэзией Пушкина и Лермонтова. Терьяна всегда привлекала русская поэзия. Русские сказки и былины Пушкина и Лермонтова он называет наиболее характерными и наиболее яркими выражениями «великого русского духа». Для Терьяна Пушкин — «национальный гений, имя которого сверкает на вершинах русской поэзии».

Пушкин и Лермонтов явились для поэтов Армении богатейшим источником вдохновения. В своем же творчестве они оставались оригинальными, самобытными художниками, выразившими вековые думы и чаяния армянского народа.

Дореволюционная Армения мало знала Пушкина. Лишь в наши дни произведения его стали достоянием широких читательских масс и осуществилась мечта поэта:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...

Писатели Советской Армении в один голос говорят о том, как близок и дорог им Пушкин, который во имя победы справедливости и правды на земле, во имя счастья народа в свой жестокий век «восславил свободу»; они говорят о том, как поэзия Пушкина вдохновляет их, толкает на новые творческие победы, наполняет душу оптимизмом и жизнерадостностью, «возносит к высотам подлинного гуманизма». Народный поэт Армении, лауреат сталинской премии, Аветик Исаакян говорит: «Мы все, с детства до последних дней нашей жизни, остаемся зачарованными этим великим гением. Он всегда с нами, всегда в нашей душе. Когда мы были детьми, его золотые сказки уносили нас в счастливые миры воображения. Будучи юношами, мы всем сердцем увлекались его прелестной любовной лирикой. Мы сливали свою любовь и печаль с его любовью и печалью и бродили вместе с ним по обширным степям великой русской родины, по берегам ее могучих рек, по лесам, в золотую пору осеннего листопада. В молодые годы нас окрылял его свободолобивый дух. Его дерзкие, бурные песни направляли, толкали нас на борьбу, на самопожертвование. В старости мы глубоко задумываемся над его великой мудростью, над его глубокими мыслями, над его исключительно полным пониманием действительности».²

¹ Туманян-критик... стр. 337.

² Газ. «Коммунист», Ереван, 1937, 6 февраля, № 30 (774).

Другой из старейших писателей Армении — Дереник Демирчян пишет о том редком наслаждении, которое он получает при чтении Пушкина. «Каждая его строка, — пишет он, — дышит жизнью, грустит, улыбается, размышляет, негодует... Пушкин всегда посещал меня в минуты творческих мук. Я всегда вспоминал его основные принципы: естественность, искренность, величие, ясность». Согомон Таронци говорит, что многие его баллады написаны под непосредственным благотворным влиянием Пушкина. «У Пушкина я учился народности, — говорит поэт Сармен, — у него я учился слиться всей душой со своим веком». Пушкин для писателей Советской Армении — великий учитель, который постоянно зовет к мастерству, к светлым вершинам поэтического слова.

Один из крупнейших поэтов Советской Армении Наири Зарьян в стихотворении, посвященном Пушкину, писал:

Узнал ты скованный народ,
 Чей дух приветлив и могуч,
 И снова шел вперед, вперед, —
 В суровый край армянских круч.
 Ты пал в неравном том бою...
 Но песня будет жить века,
 Будить умы, будить сердца.
 Она ушла в народный гул,
 В преданье, в музыку, в зарю...
 О, еслиб миг такой настал
 (Мечта безумная, мелькни!..)
 И ты негаданно восстал,
 Вошел бы в сталинские дни,
 Как славословя, как любя,
 Объятя бурные раскрыв,
 Страна встречала бы тебя...¹

В этих строках поэт выразил чувства и мысли армянского народа с величайшем поэте русской земли. Пушкин стал живым участником строительства новой культуры многонациональной, единой семьи народов Советского Союза.

¹ Антология армянской поэзии. Гослитиздат, М., 1940, стр. 585—586.

ВЕСТНИК

ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 6

ИЮНЬ 1949

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, доц. А. Г. Дементьев, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, проф. Н. А. Домнин, доц. Г. В. Ефимов, проф. Н. П. Еругин, проф. В. М. Кадачигов, проф. С. В. Калесник, проф. С. И. Ковалев (зам. редактора), акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов (зам. редактора), проф. В. В. Мавродин (зам. редактора), проф. А. И. Молок, проф. Н. В. Турбин, проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Шукарев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТА *им. А. А. ЖДАНОВА*
ЛЕНИНГРАД
1 9 4 9